

ВЫМЫСЕЛ и ДОМЫСЕЛ

Примеры

Тут всё будто игрушечное: домики, заборчики, огородики, таверна¹³⁵ на шесть человек. Древнего много. Не жгут что ль, когда война? Культурно воюют? Не палят по старине. Сговариваются заранее не рушить, что старше века? Хотя, нет, видел по берегам Рейна и разрушенные замки... Может, то от времени...4-2-142

И не то что в глаза мне заглядывал, а присев напротив, только что не залез в них. 4-2-38

ХИАЗМ

Пётр Алексеевич перетащил к нам европейское. И что, мы сами с того изменились? А если наоборот: нас всех сюда, а этих, аккуратных – на наши земли? Так что получится: мы блаженствовать на следующее утро начнём?» 4-2-141

Пассажиры – семь дипломатов да Виноградов с Густавом Райзером – насмешливо посматривали на подошедшего Ломоносова. Платочками махали провожающим. «Саваном бы кружевные не обернулись... – подумал 4-2-49 Миша. – Одну традицию и соблюли: в первый день похода все в чистом».

Владыка Феофан сел на единственный в его кабинете нескрипящий стул. Придвинул его к изящному заморскому, с расписными филёнками секретеру. Крышку откинул, сделал её столешницей. Вроде спокойней стало. «Хорошо б эта крышка не гробовой захлопнулась... Тогда уж полный покой». 4-1-530

Передний возница ехал, не глядя. Тот, что за ним – на закрывшего глаза полагаясь. Задние – только спины передних различая, а последний, как и первый, моля, чтоб лошадь его не встала. И если бы сейчас ещё пуще закружила метель, да ведущая коняга, сбившись с пути, догнала вдруг последнюю и замкнула б всех в круг, никто того, пожалуй, и не заметил бы. Только бывший последним вздохнул бы с облегчением, что есть кто за ним, да перестал креститься. 4-1-448

«Да где такого скоро сыщешь? Дурака, что ль, какого найти? Чтоб уж, если и поймают, так толком ничего не открыл. Так есть ведь кухаркин конюх! Ум он, видать, ещё в детстве соседу в бабки проиграл, да так и не отыгрался: хотел, конечно, да того след простыл. А у кого другого вы- 393 играть оставшегося ума не хватило. Но нет: этот, может, и доедет, да только там ничего толком не передаст. 4-1-392

И как это, если волосок на подбородке вырвать, он снова расти начинает? Ведь когда луковицу с грядки за перо вытаскиваешь, на её месте другая не вырастает? А на бороде – кто изнутри, что ль, подсаживает? Ну, это вовсе ерунда!» 4-1-309

У князя Дмитрия Голицына глаза до того расширились, что он большим и указательным пальцем ухватившись за бровь и щеку, пытался удержать на месте желавших выпрыгнуть. 4-1-386

– А, «мы Ломоносовы!» Михаил! Всех тараканов-то, оглашенный, выбил? Да и не отвечай, вижу: ещё больше к себе подманил. Механикой интересуешься? 4-1-293

– Я б тебя и сейчас к нам в учителя, – Иван Каргопольский грустно улыбнулся: – Да вот если ты всех такими-то вопросами заваливать начнёшь, так вся словенская школа разбежится. А у нас и так сорока учеников нет. Ты либо науку подымешь, либо себя и всех, кто вокруг, в сомнениях утопишь. 4-1-292

Ты все тетрадки-то принёс? Может, ещё есть, дак сбегай. Мы подождём. Мы с Ваней для того и народились, чтоб всё твоё гранитное пережёвывать да кашницей крошоной тебя с ложечки кормить. 4-1-291

Он постоял, вглядываясь в лабиринт. Проскочила мысль: «Количество камней равно количеству слов. Нет, букв». Он её догонять и переспрашивать не стал: «Если толковая, наносится и сама вернётся». Продолжил вслух: 4-1-266

– Так о тяге. Как придём к Мезень-реке, запасись ниткой покрепче, да у Якима спроси гардамán180 и рот сам себе зашей. А то от той тяги, что увидишь там, он у тебя от удивления да желания познать, как у рыбы-сом растянется. Тебя потом в деревне никто не узнает. 4-1-160

Домой придём, я тебя к тётке Шуше сведу. Только в потёмках идти придётся. Ну... Понимаешь... У неё на красных грибочках в зелёного стекла бутылки такого настояно. Ты и Вологду посмотришь, а если ещё с полынью, так и новый Питибург. 4-1-205

ВЫМЫСЕЛ / imaginär

Вот сам бы я, Каргопольский, сейчас дверь высаживал. Скамью отодрал бы – и по двери. А Ломоносов?! Танцует! 4-1-131

Напротив, через окно, виднелось лицо возничего Гаврилы. Из сеней Томми выглядывал. «Эти, в случае моего позора, вести по всему Архангельску в час разносят». Он живо представил, как пёс несётся к Рыбным рядам и там, собрав вокруг себя лохматую свору, радостно пролаивает новость: «Ломоносов на пасье в первой же фигуре своей ногой о свою другую зацепился. Смеху среди дам было! Гав! Хгав! Гав!» 4=1=127

Миша пытался по первым нотам понять: «Что игратьто будут?» Да где там... Вдруг подумалось: «Их бы всех к Кеккурскому становіщу. Да в сентябре. На камни да мхи в башмачках с чулочками. На трески разделку. Да вот в париках этих и панталонах. Чтоб от таскания коробов тяжелых до развешивания рыбы очищенной по вешалам. И чтоб под музыку. И ножкой повыше. И уж там ладно, тогда играй хоть бурре, пасье, ригодон, гавот и даже менуэт 4-1-126

Тот высокий, что со мной дрался, Ральф Ромсвинкель. Отец у него с таким же злым взглядом. Вот на мать бы поглядеть. Интересно, они и спят с такими лицами? Жуть, наверное, какие сны к таким приходят 4-1-120

Ноне никуда не поедем! Дымы столбами небо подпирают. Плюнь, – он притворно причмокнул губами, – и льдинка падёт на дорогу.

Мишаня тут же повторил его движенье и, не слушая мать, в лёгком зипуне и катанках выскочил на крыльцо. Набрал слюны поболее, плюнул. Попал в сугроб, бросился к нему и стал рыться в снегу. Льдинку искал: «Правда ли, что этак-то холодно?» И нашёл бы, только тут отец его поперёк ухватил и в дом: 3-96

Он всё думал: «Как поженемся, так робость уйдёт. Ан нет. Ещё хуже». Бывало, сидят где с мужиками. Ленка пройдёт, поздоровается со всеми, а они вослед ей беззастенчиво лыбятся. Языками цокают. Ваську по коленке похлопывают: «Ишь, твоя-то пошла». Ему приятно. А дома за

собой дверь притворит и за ней храбрость бегать по улице оставит. Она, храбрость-то, и готова за ним шмыгнуть, да тоже побаивается. А подождать её нельзя: тепло всё из избы, ожидаючи, выпустишь. 3-77

Дверь отворилась, и в ямскую избу неспешно вошла высокая женщина с ребёнком на руках. За ней ящик внёс сундучок, да тут же им и грохнул: – Прощевайте, – бросил он напоследок, и в глаза ездокам своим не взглянув, поспешил дверь снаружи припереть. Она огляделась и прошла на свободное место, поближе к теплу, к печи. Ребёночка на лавку уложила. Платок приоткрыла ему. Улыбнулась – и к дверям. Сунду- 75 чок к столу волоком подтащила, шубейку скинула. Свой плат оправила, ещё раз огляделась и каждому, почитай, столу, здороваясь, улыбнулась. После к ребёнку присела. Развязала узелок. Освободила от тёплых платков. Малыш проснулся. Ручки выставил, пальчики растопырил и залопотал. После пузырь выпустил и заулыбался. Она на руки взяла его, стала качать. И счастливы оба, что живут, что родные друг другу, и что миг этот для них и есть жизнь. А что там дальше будет – про то после и подумаем. А сейчас счастливее их и не было никого. Да и кому быть-то? То невозможно на земле, чтоб счастливее кто был, чем мать и дитя. Сколь со счастья этого, с них двоих икон писано! Еленка восторженно глядела, будто себя в них увидела. Расцвела вся, распрямилась, и, словно, проснулось в ней что. Будто эти двое поделились с ней чем-то, что одна она только в яме этом и могла принять. Почувствовать. Сопережить и жить уж отныне по-новому. Осип хотел было своё продолжить, да только глянул в глаза её и понял: упустил он минуту. Куда теперь купеческой мощне супротив материнской копейки! А Еленка всё наслаждалась, теперь уж своим, материнским. Женщина, грудь прикрывая, от мужиков сколь можно отвернувшись, кормила дитяtku. Тот, глазки прикрыв, причмокивал, рученьками мать обхватив. Елена, словно, сама насыщалась, впитывала в себя неведомые ранее силы. После взгляд на братьев перевела и, улыбки с лица не отпуская, судьбу свою определила: – Спасибо вам, Осип да Фёдор Андреечи! Всеми тому без вас не случиться. А будет всё, как наш Государь, как Пётр Алексеевич мой указал. Она пальчик один выложила на край стола: – Деньги мне да сыну Государем даны. После пересчитаем. Вам на сохранение их определю. Можете куда в дело пустить. Но как затребую – в месяц возвернёте. 3-75

Придавит сперва меня – то, может, и справедливо. После уж вас – то ещё оправдательней. А коль молчать будем – обойдётся. 3-76

У кого подсмотрела?» – она б не ответила. «А как ещё его подбодрить? Ведь всё ясно с первого взгляда. Что тут ещё? Написать, что ли, ему на бумаге: то дитя наше, а не я смотрю на тебя. И от тебя на меня его же карие глазки. 3-64

Еленке и сейчас страшно представить, как дедушко в гроб улёгся, кожушок тёплый на себе оправил, и то последнее, что говорил ей, прошептал: «Вкусна́ ягодка». Брат почему-то ему глаза закрыл, а дедушко сказал: «И уж всё закрой». Тогда тяжёлую крышку сверху на него надвинули. 3-18

Он страстно любил жизнь, игру эту! Внезапно закончилось его время. Упал флажок, встали часы. Он такой расклад, такой задел на доске оставил, что хоть младенца за неё сажай... Такое преимущество – на поколения вперёд никто не проиграет. Даже садиться играть с Россией не захотят. Он ни одного решаемого этюда⁹ возможным противникам России не оставил 2-479

И свои, где можно, упираются. То учиться не хотят, то волочат всё, что не приколочено. А и приколочено – утащат. Одному взяточнику и казнокраду голову отрубишь – тут же две другие вырастают. С гидрой этой, ворюгой, справиться бы. Да измену искоренить. Всякую. 2=465

Сегодня ночью полегчало, и он велел балдахин разобрать. Убрали стойки и верх. Когда его положили обратно, открыл глаза: «Потолок... Изучай теперь... Может, сразу велеть и его разобрать? А после – крышу, и облака раздвинуть. Чтоб по ночам в звёзды вглядываться, в вечность... Вот, ненужное произнёс... Всё по привычке время опередить хотел. Вперёд заглянуть. А сейчас... Вернуться бы в те дни, когда силы были. Да хоть бы и в те, когда половина их – меня прежнего – бурлила. Я бы тогда вообще не спал. Успеть спешил. 2-464

Васе Пospelову подмигнул, тот сбегал, солдату на ноже здоровый кусок жареного, ещё дымящегося на морозе, подал. Все трое поклонились. Воин вниз, на одинокий сапог глаза опустил: „Вот бы ногой ты, меня, Государь, одарил“. Я ему, не подумавши, что на душе в те месяцы было: „А ты мне сына да жену возврати. Иль хоть веру в них“. Он на меня глаза испуганные вскинул, жена его – понятливые, сожалительные, да сынок – удивлённые. Солдат своих крепче обнял, за всех ответил: „Нет, уж лучше я на одной!“ Вот этак-то. Калека любой в государстве моём меня счастливее 2-460

После вздохнул и неохотно начал: – То, что вчера на Троицкой Монсову голову на кол посадили, а тело без неё по городу ходит и в каждую немецкую дверь стучится, да никто не открывает ему – бояться, что за собой потянет голову назад пришивать – ты знаешь. 2-439

А Алёшинька первого первым и выдал. И семь месяцев уже как не было Кикина на свете. А тот почти успел достроить прекрасный свой дом недалече от дома царевича. Когда вскрылось всё, многие в эту сторону перестали ездить: тут, получается, обосновались недруги Петровы. Поедешь, да и прихватишь к себе чего. Иль на колёса налипнет. Потом не отмоешься 2-437

Вытянул. Открыл. Прочитал до середины. Встал. Походил. Сел. Перечитал начало и осмелился до конца. Постоял. Перечёл теперь уж целиком. Руки с первых строчек затряслись, сердце тревогу выбивало. Им бы палочки сейчас да барабан. Отбили бы сигнал к отступлению. 2-416

Ване и самому казалось, что он рождён для подобного. Подать что иль забрать от кого. После выучился наблюдать и молчать. Чтоб подавать ране, чем попросят, и забирать скорее, чем те, у кого убрать надо, сами о том догадывались. Природное предназначение к тому дано было ему с детства мягкими жестами и неприметным обликом. Да и родился-то он незаметно. И сразу в ливрее. 2-414

Не для них будто, а для тех, неведомых, кто и не зарождён даже, но уж точно России служить будет, произнёс 2-412

«Вот войдёт, и я опять на день, в его слезах с сыном встретясь, растворюсь. Надо с кем другим...» 2-364

– Если сын будет Петру подобен – не выдержать России двух Петров подряд. Она, родимая, Первого-то с трудом терпит. Он её словно лошадку, что всю жизнь соху таскала, на скачки выставил. А её и выпустить со всеми в срок позабыли, да и он, пока жокея в юбке скидывал, сколько времени потерял! Все остальные уж круг прошли. Так он впереди, её за собой под уздцы тянув, круг упущенный пробежал, догнал первых и уж потом только в седло вскочил и кобылку 363 пришпорил. Ей под ним только и оставалось: либо к финишу первой под Первым, либо тут же на песке под других копытами пасть. 2-362

О глупости да невежестве, которого хоть кораблями к границам вывози да приплачивай, лишь бы взяли: – Иль не то? Может, попридержать? Может, они когда самым ходовым товаром будут? Пётр вилкой сочный кусок лосятины подхватил, до рта донёс, но про глупость заслушавшись, так и держал. Капало обратно в тарелку, разбрызгивая и на скатерть, и на рубаху. Подумал, Осипу вторя: – Глупости и от себя бы кому отдал, – рассмеялся тому. А Осип далее, как по течению мысль ведёт: – Отдашь за полушку всю – как потом об уме судить? Ум, он только пред глупостью

выступив, себя показать может. Раздадим всю глупость – ума не увидим. Нет, точно, придержим пока в своих краях. А придёт время умных, иные за невежеством с глупостью корабли в неметчину снаряжать будут, а мы припрятанное достанем, почистим и на рынок. Вот тогда и озолотимся. Пётр рассмеялся. Веселился игрой этой словесной. И даже представил корабль с флагом российским, в порт гамбургский за глупостью зашедший: – Вот бы сотворить. Смеху на весь мир. Вот только над кем? Скомандовал: – Вина венгерского не жалеть! 2-284

И ум у неё от природы. Только чуточку и надо, книгами, учёностью, словно ножичком по гладкой доске узор тонкий нанести. Мёд сладкий из сот в чашечку фарфоровую тонкостенную перекачать. И на блюдечко с каймой золочёной выставить. Любуйся, мир! 2-282

А в Москве до царя через приказных людей не пробиться. А и допустят, так то такой звонкой монетой выйдет, что домой в одном исподнем вернёшься. я. Да летом-то и можно, а в мороз? Да и Катенька, ежели там, задуманного свершить не даст. Нет, не даст 2-258

Парнишка сказывал былое в таких деталях, будто сам, от матери оторвавшись, рядом с тем делом сидел и в книгу важное всё и даже мелочь всякую вписывал. А теперь, через восемь лет, только водил глазами по строчкам, память языком возвращая. И чтоб уж совсем правдиво было, прошлым слогом сказывает: 2-251

Да глупости! Война, даже коль она за своё, святое – всегда грязь. И что это владыка Димитрий, даже уйдя, оттуда меня, земного, цепляет? Да если бы только за краешек одежды ухватывал! А то пером душу выколупывает. И это он ещё не отточенным кончиком, а другой, мягкой стороной щекочет». 2-243

Запахнул книги в сундук: «Вот так бы и мысли в голову, подальше от языка, за уши куда-то запихнуть...» 2-239

Каждый лист осенний, тем звоном с ветки сорванный, не с шорохом на землю ложился – колокольчиком вздрагивал, на свой погост опускаясь. Пожелтевший, красновато-бордовый иль бурый, он в миг касания с родительской сырой землёй становился частицею огромной бумажной книги, в которой белые листы теперь так и останутся чистыми... И нет лица на земле от бумажной седины. Птица небесная пером отточенным готова одарить человека, мыслию Божьей озарённого. Но не стало того, кто Слово, помысел Божий, разум свой, руку, пером владеющую, чернилами бегущими соединить с листом в силах. Бел лист 2-242

Сам с бомбардира до императора себя взрастив, он и Россию от нищеты тёмной, что и днём с факелом ходила, до морской империи вознёс. 2-219

Глаз не спускай с голландца! Сейчас промеж Россией и Балтикой один клочок бумажки секретной на годы стеной неприступной встать может! Не допусти! 2-218

Он хотел было о главном заговорить, но такого отклика товарищей своих предвидеть не сумел. Он-то в том деле мыслями куда как поболее года, и в мыслях тех уж в конце пути не раз побывал. И знает ради чего! А они... На пустынный берег высажены. В паруса удаляющиеся всматриваются: не сменится ли ветер на встречный? Не вернутся ли их, пусть малые, но каюты. Все головы враз на три оставшихся фрегата повернули: «Хоть бы на верхних палубах лёжа!» 2-215

Тут, все поворотясь, исхудалого, комарами и мошкой изъеденного Щепотьева увидя, себя в конце пути таким же представив, не на шутку охнули. 2-215

– Иные из вас Соловки краем земным считали. Ан нет! 2-215

Прилив помогал – так отлив мешал. А после они местами менялись, и вредительно-помогательно дело своё продолжали. Государь ворчал на Щепотьева: – С ними почему не договорился? Поди, покидай червонцев. Утихомирь. Хватит им дышать 2-212

И не мысли, Дорофей, дар Божий, после архимандрита я словом наслаждаться буду. А ты уж остатками довольствуйся. А то Минеи за зимние месяцы так зачитал, что потом братией по всему острову раскиданные слова в доски возвращали. 2=197

Мы тебе сейчас уши законопатим, чтоб впредь меньше слышал. А то память у тебя протекает и глупостью палубу заливают! 2-163

Душу навстречь отворять. В памяти, на ближних полочках местечко от ненужного освободить, салфеточкой кружевной устилать и день этот заманивать. Придут шторма осенние, бухмарь в глаза запросится, а ты день этот достанешь, всмотришься в него, и всё тебе нипочём! 2-136

Что, и у владыки Димитрия перо отымешь? Так и у меня вырви! Истопчи. Оставь только у дьяков, что указы твои строчат. И стой, следи, чтоб меж указов лишней капли на бумагу не уронили. Ты на ночь-то со всего государства перья вели тебе под кровать сносить. Что монахам нельзя перья да чернила в кельях держать, то сам удумал?! А вот кто тебе нашептал указ о том, что писать нельзя, запершись? Себе-то веришь? Может, сам на себя ночью левой рукой пишешь, а утром, трясясь, почерка не узнавая, читаешь и сочинителя сыскать велишь? Всех-то нельзя подозревать! Аль ты такой? Коль никому не доверяешь, значит, ты из своего государства врага себе сотворил! Иль родился врагом государству? 2-118

Солнцем залитой, но с малыми белыми облачками, чтоб совсем-то северяне в блаженство не впали 2-133

Обернулся Сергунька и обмер: «Хвост бы был, так поджал бы». 2-84

А не может, так наймёт за копейку того, кто выведет: «Сосед на дрогах проезжал, от скрипа колёсного курёнок голову промеж заборных виц просунул и задавился». ***Ужель на Руси мелочь любую царь только и может решить? Есть же воеводы, приказные судьи, думные бояре, окольные, дьяки...42 Так нет, Пётр Алексеевич, переговоры с Августом в Биржах и договор новый в сторону отложи, поди самолично, удави соседа за курёнка! 2-54

«А там, на небесах, колокол бы с полнеба, язык со Спаску башню – да ударить во всю силу. Разбудить подданных! И пусть оглохнет половина, зато все забегают!» 2-52

Сам трон свой в лужу крови всеми четырьмя ножками ставлю. А сяду – ножки подогну? Свои иль у трона подогнутся?! Кровушка, думаешь, засохнет? Иль как этот с ведёрком? Песочком велеть присыпать багровую? 2-43

Вот скажи сейчас кто... По телевидению громогласно объяви, по первому, да ещё и по второму каналу, что им двоим пенсию повысили в четыре раза, а потом диктору бумажку сбоку подали, он извинился и уточнил, что в шесть и что это пожизненно, да ещё и с ежемесячной индексацией. Или позвони сосед из деревни: «Я, – говорит, – на повети. На участке вашем, левее парника, нефть фонтаном!» Или попроси кто за телеграмму расписаться, что родственник седьмого колена из Австралии наследство оставил, и самолёт уже за ними... То, пожалуй, не так бы поразило... 5-280

Вглядываясь в сложный рисунок бороздок, Николай Иванович мысленно увидел всю компанию. Воры были намного моложе его, с длинными, давно нечесаными волосами, в джинсах и, главное, с наглым уверенным взглядом. 5-302

Тот, взгляд нацелив на драгоценные камни в броши на свитке Мазеповой, на своём кафтане уж дырочку для такой же шильцем прокручивал. 2-43